

Письмо тов. Сталина и задачи фронта естествознания и медицины.

Э. Кольман.

Письмо т. Сталина в редакцию «Пролетарской революции» разоблачает новые замаскированные формы борьбы контрреволюционного троцкизма и всякого рода оппортунизма и примиренчества против партии и Коминтерна, мобилизует бдительность всех членов партии, их партийную непримиримость и воинственность в борьбе с классовым врагом и его агентурой, с гнилым либерализмом в отношении всяких извращений марксизма-ленинизма в теории и практике. Оно дает анализ исторической роли люксембургизма и троцкизма, с одной стороны, и международной роли большевизма—с другой, поднимает значение истории большевистской партии на высшую ступень, ставит задачу ее углубленного изучения и подлинно-научной, нефальсифицированной, идущей в тесной связи с повседневной практикой партийного руководства, разработки. Вот в самом сжатом виде перечень основных положений, придающих письму тов. Сталина его всемирно-историческое значение.

Для фронта математики, естествознания, медицины и психоневрологии письмо тов. Сталина имеет такое же огромное значение, как и для социально-экономических наук. Оно требует усиления борьбы с враждебными марксизму-ленинизму теориями, как исходящими от заграничных буржуазных ученых и от социал-фашизма, так и процветающими среди части ученых СССР; оно мобилизует внимание естествовников и врачей на разоблачение методологии троцкизма в науке, призывает к борьбе с гнилым либерализмом на этих участках теоретического фронта, требует усиления партийной бдительности и воинствующей партийности как по научно-исследовательской и издательской, так и по педагогической линии. С особой настойчивостью это письмо ставит задачу усиления борьбы со всякого рода извращениями марксизма-ленинизма, задачу усиления борьбы на два фронта, углубления изучения наследства Маркса и Энгельса, а в особенности необходимости разработки ленинского этапа в развитии естествознания и медицины.

Мировому экономическому кризису, развивающемуся на базе всеобщего кризиса капитализма, сопутствует кризис буржуазной культуры, науки, естествознания. Капиталистическая система суживает катастрофическими темпами возможность использования своих производительных сил. Задача же науки — расширять их. Отсюда следует загнивание буржуазной науки, подрыв ее материальных корней, уход от нее кадров, развал ее лабораторий и институтов, безвыходность ее тематики, бесперспективность технической реализации ее открытий. Это, конечно, не значит, что в отдельных своих участках буржуазная наука неспособна на новые открытия, изобретения, даже частич-

ный под'ем. Но основной процесс — это процесс загнивания, от которого пожалуй прочно защищены лишь отрасли науки, работающие на неунывающую военную промышленность.

Все чаще буржуазные естественники открыто высказываются за союз науки с религией (напр. Планк, Милликен, Эйнштейн, Эддингтон), все больше философия современного буржуазного естествознания принимает открыто идеалистический, мистический характер. Наряду с реакционным махизмом, который в начале нашего века претендовал на роль наиболее «модной» философии естествознания, начинает выступать новое, столь же реакционное и модное течение — «холизм». Последний опирается на учение Аристотеля о форме и Лейбница о монадах, рассматривает как живые, так и неживые объекты как целостные индивидуумы, а мир — как живой организм, развивающийся вследствие особых, ему присущих целеустремленных сил по законам органической эмерджентной эволюции, отрицает детерминизм и причинность.

По словам Смутса, председателя Британской ассоциации наук, «холизм, или идея органицизма, победила механицизм (читай—материализм), современная наука является, пожалуй, наиболее ясным откровением Божиим нашего века». Одновременно и махизм, под руководством Карнапа, Рейхенбахха, Филиппа Франка, продолжает развиваться в сторону все большего насыщения — под видом «выводов» из квантовой механики и теории относительности — волюнтаристическими и релятивистско-идеалистическими моментами. В отдельных естественно-научных дисциплинах соответственно наблюдается попытка возрождения реакционных теорий. В математике сюда относится ряд писаний интуиционистов, как например, «Пространство, время и божество» — Александра; солипсизм Лебега; в физике — положения уже успевшей потерпеть крушение так называемой «унитарной теории электричества» Дирака, допускающей самоуничтожение атома, отрицательную энергию и т. д., а также равным образом неудачные поиски Эйнштейна в отношении создания теории единого поля путем «сведения всего физического к пространству, как к единственной реальности»; в астрономии — теории Леметра и Эддингтона о разворачивающемся ко все большему хаосу мире; в биологии — работы Ллойд Моргана об эмерджентной эволюции и в особенности объемистая работа основной группы виталистов (Дриш, Икскуль, Румблер, Вейдман, Вольф, Кестнер, Мильднер, Вольтерек) — «Проблема жизни», где в развернутом виде излагается «физиологический идеализм», для которого «предметы суть проецируемые вовне ощущения».

Все эти и ряд других реакционных теорий и высказываний по этим и по другим естественно-научным, медицинским, психоневрологическим дисциплинам разоблачены с нашей стороны далеко еще не полностью. Несомненно, требуется более углубленная и исчерпывающая критика их с точки зрения марксизма-ленинизма. Отдельные журнальные статьи, которые у нас имеются, являются начальными положительными шагами в этой работе. В дальнейшем необходимо взять основные, фундаментальные произведения главарей буржуазных философов естествознания и подвергнуть их основательной критике, например разобрать по косточкам философию математики Пуанкаре, философию физики современных махистов, релятивистов и индетерминистов, издать основательные труды против витализма, фитосоциологии, расовых теорий и т. д.

Одновременно необходимо подвергнуть уничтожающей критике социал-фашистские высказывания в области естествознания, ударить по Каутскому, Марксу Адлеру и др. апологетам «свободного» от диалектического материализма естествознания, до конца разоблачить антимарксистские, по существу дилетантские, но

претенциозные по форме высказывания Троцкого по вопросам естествознания и медицины, представляющие собой эклектическую окрошку из преклонения перед фрейдизмом и рефлексологией, беспардонным механицизмом (напр. в речи о Менделееве), беспрекословного подчинения буржуазной науке и т. д. и т. п.

Темпы в осуществлении этой работы должны быть взяты совсем другие, чем до сих пор, когда наша критика значительно отставала, а в отдельных случаях не выходила из стадии планов намеченных работ. Повысить темпы нашей работы крайне необходимо потому, что развернутая критика враждебных марксизму-ленинизму теорий будет содействовать процессу размежевания в лагере научных работников капиталистических стран, где одновременно с фашизацией, с мистификацией науки на одном полюсе, все более заметно выделяются ученые, сознательно ищущие выхода из кризиса буржуазной науки в материализме, в диалектическом материализме, изучающие работы его основоположников, тянущиеся к стране строящегося социализма. Это крайне необходимо и потому, что нельзя недооценивать влияния враждебных марксизму-ленинизму «научных» теорий на советскую научную среду. Преклонение перед «последним словом» иностранных научных журналов, некритическое отношение к протаскиваемому в них философскому вздору и пошлятине, особенно, когда это делается каким-нибудь крупным заграничным специалистом, частенько еще наблюдается среди ученых, вышедших из старой школы, не имеющих систематической философской подготовки или воспитавшихся на идеализме. Конвенционализм Пуанкаре в математике, махизм, релятивизм в физике, витализм и механицизм в биологии, в медицине, в психоневрологии все еще пользуются большим почетом в определенных, правда все более и более тающих, слоях ученых в СССР, чему можно привести ряд примеров самого последнего времени. Так, например, учебник векторного анализа проф. Финикова рассматривает математику как условные, наиболее экономные знаки и приемы, сознательно протаскивает конвенционализм, книга Зубарева «Введение в геометрию дискретного пространства», изданная московским Горным институтом, под прикрытием марксистской фразеологии, проповедует пифагореизм и каббалистику — все законы природы сводятся к соотношению $3^2 + 4^2 = 5^2$. В химии издаются махистские учебники Смита, Эггерта; в биологии проповедуются виталистические теории (проф. Гурвичем), в медицине — грубый механицизм (проф. Волковым и др.), в психоневрологии — расово-шовинистические теории Ленца и т. д. и т. п. Наиболее ярким явлением в этой области является, пожалуй, выступление проф. Френкеля на организованной НИС ВСНХ VIII всесоюзной конференции по физико-химии, состоявшейся в середине декабря 1931 г. в Ленинграде. Проф. Френкель, клявшийся в своей преданности советской власти, заявил вместе с тем следующее: «Диалектический метод не имеет права претендовать на руководящую роль в науке. В нашей политике допускается чрезвычайно вредный перегиб навязывания ученым и молодежи взглядов диалектического материализма. Социализм требует обоснования, его дает исторический материализм, но он не связан с диалектическим материализмом, являющимся помехой для развития науки. Ни Ленин, ни Энгельс не являются авторитетами для физиков; книга Ленина сводится к утверждению азбучных истин, из-за которых не стоит ломать копыя. Ваша философия реакционна, надеюсь, что скоро партия в этом убедится, чему уже примером являются высказывания т. Бухарина. Не может быть пролетарской математики, пролетарской физики и т. д.». Эта наглая вылазка заядлого махиста, главы группы физиков так называемой «ленинградской школы» (Гамов, Ландау, Бронштейн, Иваненко и др.), не единична. Совсем недавно эти господа в ответ на статью «Эфир» в 65 томе Большой советской энциклопедии позво-

лили себе устроить демонстрацию: послали радиоизображение-карикатуру похабного содержания, критикующую статью с точки зрения отрицания существования эфира как объективной реальности. В популярном журнале Академии наук «Природа» Н. Белов пропагандирует идею инфляции вселенной: «Все, окружающее нас, претерпевает уменьшение шкалы. В результате мир должен исчезнуть. Конец этого земного времени, очевидно, есть и конец, коллапс материи, а вместе с тем и конец всем затруднениям, которые вносятся в космос наличием этой материи» («Природа» № 5 за 1931 г.). «Судьбою вселенной, таким образом, становится грядущий разрыв ее на ряд отдельных миров, уже не имеющих между собою никакой физической связи. Время от времени отдельные объекты «закатываются», навсегда уходят под наш наблюдаемый «горизонт». Более того, вероятно, что значительная часть вселенной уже спустилась ниже этого горизонта и только задержка, обусловленная конечною величиною скорости света, делает то, что мы наблюдаем еще события, случившиеся с ней до этого заката, световое же сообщение о творящемся там сейчас, увы, не дойдет до нас» («Природа» № 9 за 1931 г.). Вот какова философия, которую господи Френкел и предпочитают диалектическому материализму — проповедь чертовщины, отражающей весь безнадежный пессимизм закатывающегося, исчезающего, содрогающегося в коллапсе, прогнившего капиталистического строя и его плакальчиков.

Эта активизация врагов диалектического материализма является составной частью, но одной лишь стороной процесса расслоения, происходящего все более и более четко в рядах научных работников нашей страны. В то время, как эту, сравнительно меньшую, группу буржуазной интеллигенции успехи социалистического строительства и выкорчевывания корней капитализма толкают на все большее озлобление, удесятерять их ненависть к пролетарской идеологии, большинство советских ученых (подобно инженерным и техническим силам) становится союзниками пролетариата, искренне желая поставить науку на службу строительству социализма. Отсюда желанное методологически перевооружиться, изучить, усвоить и применить к своей конкретной науке диалектико-материалистический метод Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Конечно, этот процесс идейного перевооружения не проходит всегда гладко, без колебаний, без шероховатостей. Искренний отход большинства ученых старой формации от прежних идеалистических или агностических позиций используется некоторыми для того, чтобы, прикрываясь этим процессом, применяя внешне те же приемы, укреплять под внешней диалектической вывеской свои гнилые позиции. Так например, химик проф. Раковский, беспощадно вульгаризируя диалектику, сводя ее к схоластическому придумыванию «диалектических» формулировок, вроде «фаза как внешнее, переходящее во внутреннее и обратно по отношению к самодвижению», по существу протаскивает в преподавании студентам МГУ махизм. Иногда диалектико-материалистическая фразеология используется в качестве ярлыков, которые должны прикрывать прямое шарлатанство, как это имеет место, например, у Гипари, пропагандирующего гомеопатию, упомянутого уже Зубарева и др. Но и те из ученых старой формации, в искренности желания которых перейти на наши идеологические позиции нет никакого основания сомневаться, зачастую движутся к нам причудливыми зигзагами. Так например, акад. Богомолец, написавший за последнее время статьи «Патология и диалектика», «Диалектика онкологии» (онкология—учение об опухолях), «Единство противоположностей иммунитета и анафилаксии», под видом «диалектики опухолей» создает настоящую опухоль на диалектике, протаскивает самый отпетый витализм и эклектизм, при чем на заслуженную критику этих статей врачами-марксистами отвечает вдобавок набором ругательств.

Разумеется, антимарксистские вылазки Зубаревых и Беловых, появление таких изданий на нашем книжном рынке, как, например, издаваемые в Ленинграде проф. Блохом идеалистические биографии химиков, издание множества вредных учебников, проскальзывание в естественно-научных и медицинских журналах (научных и популярных) механистических, махистских, агностических и мистических высказываний, наряду с аполитизмом, прямым вредительством и плохо прикрытой агитацией против социалистического строительства (напр., многочисленные «теории» утомления и т. п.) — все это возможно лишь благодаря отсутствию нашей бдительности, благодаря гнилому либерализму, проявляемому нашими редакторами и издателями. Ведь, например, антимарксистская халтура Зубарева была в свое время по достоинству оценена секцией математики Комакадемии, но, несмотря на это, нашлось не только благодушное издательство, но и редактора, давшие ей благосклонный отзыв и предисловие. Ведь Белов был уже не раз разоблачен в печати как идеалист, но редакция «Природы», в состав которой входят и коммунисты, все же нашла возможным поручить ему идеологические статьи и напечатала их, повидимому, без предварительного прочтения.

Указание Ленина на то, что только в материалистической диалектике современные естествоиспытатели найдут ответ «на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды», особенно верно в настоящее время. Гипноз новейших теорий, жонглирующих абстракциями, символами, настолько силен, что эти ложные идеи проникают, к сожалению, и в наши ряды. Так, например, в журнале «Электричество» № 23—24 за 1931 г. т. Кржижановский в статье «Учение Фарадея в свете классовой борьбы и строительства социализма в СССР» полагает, что «необходимо считаться с положением, что мир не бесконечен, но имеет вполне определенный объем около 20 дециллионов литров, а следовательно, не бесконечное количество электронов, и тут же восхищается и другой, недавно еще модной теорией, успевшей, однако, обанкротиться, а именно, теорией Дирака. В № 1 журнала «Сорена» («Социалистическая реконструкция и наука»), редактируемом т. Бухариным, не только не дано программное обращение к читателям правильной установки по вопросу о марксистско-ленинской реконструкции науки и техники, не только напечатана эклектическая, с большой примесью богдановщины («праксеология», «единство теории и практики в головах миллионов» и т. п.) статья т. Бухарина, но помещены также непартийные рецензии на руководящие буржуазные естественно-научные журналы, рецензии, где вместо анализа и критики реакционных идеологических установок дается их восторженное восхваление.

Враждебная марксизму-ленинизму идеология особенно легко проникает в естествознание и медицину в своеобразном шовинистическом виде и поэтом, прежде всего в национальных республиках и областях, требуется удесятерить нашу бдительность. Протаскивание как национального, так и великодержавного шовинизма под флагом естествознания и медицины можно встретить и на Украине, и в Белоруссии, и Средней Азии, и в Закавказье, и в РСФСР, но развернутой, углубленной критики этих явлений до сих пор нам не дано.

* * *

Наблюдаемая активизация врагов марксизма-ленинизма, а также упрощенство и вульгаризация диалектического материализма, толкование его как рецепта, который чисто внешне, без глубокого историко-логического анализа, чисто схоластически привешивается к отдельным предметам и явлениям на отдельных участках научного фронта, вызываясь условиями обостренной классовой борьбы в реконструктивный период.

Для успешной борьбы с враждебными идеологиями, а также извращениями и вульгаризацией марксистско-ленинской методологии, с нашей стороны, со стороны естественников и врачей марксистов-ленинцев, необходимо усилить положительную научно-исследовательскую работу, чтобы в области разработки конкретных проблем противопоставить нашу линию диалектического материализма, марксизма-ленинизма, реакционным течениям буржуазной мысли. Необходимо также усилить развернутую углубленную критику буржуазных взглядов и наших собственных ошибок.

В области математики, естествознания, медицины и психоневрологии мы почти не имеем фундаментальных работ (если не считать монографий), в которых действительно дается попытка последовательного применения материалистической диалектики как метода исследования. Разумеется, объективных причин, «смягчающих обстоятельств» мы можем указать достаточно. Но они не снимают с нас обязанности дать действительные образцы марксистско-ленинской реконструкции конкретной науки. Важнейшей задачей является поэтому положительная разработка таких основных проблем, как физико-химическая концепция материи, строение вселенной, история земли, эволюционная теория и т. д., и т. п., с точки зрения диалектического материализма. Необходимо сосредоточить на этой работе часть наших сил. Необходимо добиться того, чтобы была создана броня людей и их времени на теоретическую научно-исследовательскую работу фундаментального характера.

Предпосылкой успеха в этой положительной работе является и здесь усиленная борьба на два фронта — против механицизма как главной опасности, против меньшевистского идеализма, против примиренчества к ним, широкое развертывание самокритики в наших собственных рядах. В целом ряде областей математических, естественных, медицинских и психоневрологических наук борьба с механицизмом и меньшевистствующим идеализмом не поднялась выше стадии общеполитических рассуждений. Не дано еще конкретного анализа антимарксистских теорий в отдельных дисциплинах. Так например, в математике т. Выгодский последовательно продолжает стоять на механицистских позициях, сочетающихся с махизмом; в только что вышедшем учебнике анализа он исходит из понятия неделимых. Точно так же не выступил с критикой своей позиции меньшевистствующего идеализма и т. Шмидт. В физике т. Тимирязев продолжает в своей преподавательской работе отстаивать механицизм. Тов. Егоршин проявил в своей книге «Естествознание, философия, марксизм» целый ряд ошибок меньшевистствующе-идеалистического характера (недооценка роли Ленина в естествознании, некритическое отношение к Гегелю, либеральное отношение к ошибкам Плеханова и к Каутскому и т. п.). Тов. Гессен, несмотря на отказ от меньшевистствующего идеализма (выступление на конференции ОВМД, ряд ответственных статей в БСЭ), до конца не сумел еще отойти и достаточно активизироваться, хотя как раз фронт физики особенно нуждается в партийной воинственности. В химии механисты гг. Перов и Перельман попрежнему стоят на механицистских позициях, активно защищая их; т. Рубановский, заявивший о признании своих ошибок, на деле ничем этого не доказал, а по вопросу о выступлении проф. Френкеля занял явно примиренческую позицию. В биологии не дана критика механицистских теорий (напр., т. Бауэра), не проделана критическая работа и в отношении позиций меньшевистствующего идеализма (напр., т. Левина). В медицине до сих

пор не ликвидировано влияние механо-ламаркизма (гг. Обух, Боголепова и др.) и меньшевистствующего идеализма (т. Левит); обе группы до сих пор не разоружились, используют Медицинскую энциклопедию как свою трибуну. В психоневрологических науках не дано достаточно развернутой критики как механицистских и идеалистических теорий Корнилова в психологии, Ганнушкина в психиатрии и невропатологии, Блонского в педологии, так и меньшевистствующе-идеалистических высказываний Франкфурта, Куразова, т. Сапира, системы идеалистических ошибок т. Шпильрейна, меньшевистствующе-идеалистического эклектизма т. Залкинда и т. д. В таких науках, как геология или геодезия и астрономия, где прослойка марксистско-ленински подготовленных кадров особенно тоща, буржуазные теории принимаются без всякой критики, и только в самое последнее время начинают появляться первые признаки марксистско-ленинских установок.

В борьбе с антимарксистскими теориями и с уклонами от марксизма-ленинизма в естествознании и медицине необходимо значительно больше внимания уделять ошибкам в наших собственных рядах, не забывая того, что допущенная ошибка, если ее своевременно не выправить, легко превращается из случайной в систематическую, обволакивается соответствующей идеологией, включается в ту или другую антимарксистскую систему взглядов. Мы еще не усвоили того положения, что четкость формулировок в теоретической работе так же обязательна, как и в политике, что те же большевистская непримиримость и требовательность к формулировкам (предназначаемым в качестве руководства к действию для трудящихся масс) должны соблюдаться нами и в области науки. Характерным примером нашей неряшливости является хотя бы то обстоятельство, что термин «естествознание» нами сплошь и рядом употребляется расширительно; что сюда включаются не только математические науки, но и медицина и психоневрология, хотя последние две области наук опираются как на естественные, так и на социальные закономерности, а математика вовсе не может быть включена ни в естествознание, ни в социальные науки, являясь наукой о количестве и играя служебную роль по отношению ко всем наукам. Неряшливость формулировок, недостаточно тщательный анализ каждого положения почти в любой теоретической статье являются одними из величайших изъянов нашей работы, о чем свидетельствует большая часть наших статей, книг, брошюр. Неотложной задачей является поэтому критический просмотр всего написанного с тем, чтобы не оставить ни одной грубой ошибки не исправленной.

Эта работа не должна ограничиваться голым исправлением, но должна вылиться в положительные результаты, двинуть нас вперед. К ней нужно приступить немедленно.

В данной статье воспользуюсь случаем, чтобы указать на главные ошибки, допущенные в моих математических работах. Как я уже отметил в статье «За марксистскую программу по математике», напечатанной 7/XII 1931 г. в «Правде», в редактированном мною проекте программ ФЗС по математике от апреля 1931 г. допущены грубые извращения, идущие по линии «левацких» загибов. В корне ошибочна установка вводной записки, где прямо говорится: «Промфинплан с его технико-экономическими показателями должны являться стержнем программы по математике для ФЗС». В каждом разделе проекта прежде всего в виде темы для изучения дается некоторый социально-экономический или технический материал и лишь вслед за этим как нечто производное излагается математическое содержание программы, которое должно было быть на первом месте. Такое построение программы ведет к недооценке математики как науки. Оно по существу идет по линии того же самого «метода проектов», о котором в решении ЦК о

школе сказано, что он вытекает из антиленинской теории «отмирания школы» и фактически ведёт к разрушению школы. В сборнике «На борьбу за материалистическую диалектику в математике» мною как автором предисловия допущена ошибка, состоящая в том, что хотя я и указал на дискуссионный характер сборника, но не отметил, какие именно статьи содержат в себе дискуссионные моменты или ошибочные установки. В моей статье «Современный кризис математики и основные линии ее реконструкции», напечатанной в том же сборнике, кроме ряда неряшливых формулировок, мною допущены грубые ошибки: исходной точкой не взят конкретный исторический анализ состояния математики — отсюда и абстрактность, неубедительность изложения, искусственность постановки задачи реконструкции математики. Ошибки эти идут по существу по той же линии, что и ошибки деборинской школы, игнорировавшей исторический материализм и трактовавшей проблемы реконструкции науки как задачу внешнего синтеза противоположностей.

Ряд больших или меньших ошибок имеется и в работах других товарищей, как на страницах «Под знаменем марксизма» и «За марксистско-ленинское естествознание», так и в отдельных других изданиях (например, сборник «Против механистического материализма и меньшевистствующего идеализма в биологии» или «Программа по диалектике природы» для университетов и т. д. и т. п.). Надо полагать, что в настоящее время, когда среди нас не должно оставаться никого, кто не пересмотрел бы критически прежде всего того, что было написано им самим, ошибки эти будут исправлены.

Развертывание самокритики, утроение бдительности, борьба как с троцкистской, так и со всякой враждебной марксизму-ленинизму контрабандой, усиление изучения Ленина и тем самым поднятие нашего теоретического уровня, исправление допущенных ошибок, работа над созданием положительных фундаментальных трудов — вот те выводы, которые необходимо сделать математикам, естествоиспытателям, врачам и психоневрологам материалистам-диалектикам из письма тов. Сталина.

Но было бы величайшей ошибкой, если бы указания тов. Сталина, относящиеся непосредственно к истории нашей партии, этому важнейшему звену идеологического фронта, мы механически переносили в область естественных и медицинских наук. Решительно борясь против теории «теоретического риска», на деле лишь санкционирующей свободу теоретического блуждания, мы вместе с тем должны, во-первых, четко различать ошибки, которые встречаются вследствие сделанных допущений в самом процессе научно-исследовательской работы той или другой специальной дисциплины, от ошибок методологических, коренящихся в общефилософских установках. Во-вторых, по отношению к самим методологическим ошибкам мы не должны забывать, что в то время, как всякая ошибка, искажающая историю нашей партии, является прямой политической ошибкой, ошибки, допущенные в методологии математики, физики, биологии и т. п., имеют тенденцию превратиться в общеметодологические, философские, а в конце концов, в политические ошибки (что, однако, не мешает тому, что в отдельных исключительных случаях они могут все же носить прямой политический, иногда даже контрреволюционный характер). Поэтому неправильно поступают те товарищи, которые торопятся сделанную кем-либо ошибку, скажем, по ботанике, поскорее подвести под меньшевистствующий идеализм или, еще лучше, прямо под троцкизм, чтобы тем самым сразу «показать себя».

К сожалению, и у нас кое-где имеют место те факты, о которых говорил тов. Постышев на Краснопресненской районной партийной конференции, хотя в области естественных наук торопливость в припечатывании политического клейма еще менее простительна, чем в области наук со-

циально-политических. Не всегда мы умеем «отличать от троцкистов людей просто ошибающихся», не всегда умеем «различать отдельные ошибки человека от системы взглядов», не всегда делаем так, чтобы «критиковать ошибку товарища по-товарищески, чтобы он мог исправить ее и тем помочь другим». Иногда у нас такого человека «так обрабатывают, что он становится выбитым из строя или, во всяком случае, с подбитыми крыльями». Не давая кому бы то ни было возможности под видом борьбы с перехлестыванием самокритики затушевывать свои ошибки или прятать укрывающихся сторонников враждебных марксизму-ленинизму идеологий, мы должны сами решительно воспрепятствовать тому, чтобы самокритика превращалась из средства исправления, поднятия теоретического уровня, укрепления наших рядов — в самоцель, в придирчивое выискивание оговорок.

Критикуя допускаемые в наших научных областях ошибки, не надо забывать и про те достижения, которые мы имеем, хотя бы и в небольшом еще количестве, хотя и невысокого еще качества, в той или другой естественно-научной или медицинской области. Не надо пренебрегать также положительными результатами работы отдельного товарища. Давая решительный отпор всяким настроениям пессимизма и паникерства, политической трусливости, отвечающей на критику ошибок отказом от творческой работы, мы не должны в то же время ограничиться одним лишь порицанием, а должны создать и поощрение в работе и, главное, — условия, которые содействовали бы снижению возможных ошибок до минимума. Сюда относятся прежде всего обеспечение необходимого для всякой научно-исследовательской работы досуга и подлинной коллективности.

Громадное большинство наших товарищей для научно-исследовательской работы выкраивают лишь последние остатки своего бюджета времени и не имеют возможности систематически заниматься, следить за выходящей русской и иностранной литературой; в лучшем случае вместо изучения ее лишь перелистывают, даже для педагогической работы готовятся на ходу — много времени берет организационная работа, зачастую нерациональная, светлая, полная параллелизма и излишнего заседательства. Этому надо положить решительный конец. Как бы ни была тонка прослойка наших работников в данной области, как бы ни были настоячивы запросы по организационной линии, необходимо узаконить освобождение хотя бы минимальной группы товарищей от всякой организационной работы, закрепить их на известный срок с конкретной целевой установкой для выполнения определенных заданий. Имеющиеся по этому поводу повторные партийные постановления, к выполнению которых еще не приступлено всерьез, должны быть, наконец, выполнены.

Коллективные методы работы практикуются нами и в далеко недостаточной мере и весьма несовершенными способами. Предрассудок против коллективности достаточно сильно распространен и в нашей среде (влияние индивидуализма старых научных кругов); этому предрассудку содействуют извращения коллективности, когда она превращается в обезличку, в волюнку согласовательства, когда она снижает темпы, сбивает инициативу, задерживает продукцию. Необходимо исправить наше отношение к коллективной работе, сделать ее основным нашим методом, для чего прежде всего нужно организовать ее. В дальнейшем недопустимо, чтобы для разработки того или другого вопроса бригады организовывались случайно, иногда даже не по специальности, чтобы работали без плана, без руководства, без проверки исполнения. Надо же нам наконец в научно-исследовательской работе внедрить, правильно применяя их, те методы, которые оправдали себя во всем нашем социалистическом строительстве.

Начиная с письма тов. Сталина, имеющего решающее значение для всего нашего идеологического фронта, и на наших математическом, естественно-научном, медицинском, психоневрологическом участках должен начаться новый этап, этап насыщения подлинной большевистской партийностью, ленинской воинственностью, этап действительного завоевания всего наследия буржуазной науки и его критической переработки, этап, когда из «восстановительного периода» в научно-исследовательской работе, в математике, естествознании, медицине, психоневрологии мы в подлинном смысле слова перейдем к их большевистской, плановой реконструкции на основе диалектического материализма.

